

Н. В. Николаенко

**Проблема ценностных ориентиров
в философском наследии С. Н. Булгакова
(«раннекрымский период»)**

В статье рассмотрены и проанализированы ценностные ориентиры, выраженные С. Булгаковым в «Свете невечернем» (1917 г.). Данные идеи и размышления в софиологии автора занимают особое, значительное место, являя противоречия и парадоксы.

Ключевые слова: ценностные ориентиры, универсальная идея, творчество, софиология.

«Красота есть внутренний закон мира».

(С. Н. Булгаков)

Актуальность. Философское наследие С. Н. Булгакова (1871-1944) является предметом исследования зарубежных и отечественных философов, богословов, историков уже значительное время. «Неисчерпаемый источник», по меткому выражению одного из современников, составляет значительный объем актуальной проблематики. Новые искания и запросы современного мира требуют от нас не одной реставрации прошлого, но поисков новых ценностных ориентиров, отвечающих вызовам времени, преодоления прозаизма и безвкусий уклада жизни.

Цель. Обозначив основные ценностные ориентиры автора, проанализировать пути и возможности будущих и современных исканий в сфере чистого искусства.

«Лично для автора эта книга представляет собой род духовной автобиографии или исповеди» [1, с. 6]. В декабре 1916 г., в Москве, русский философ и богослов С. Н. Булгаков написал эти строки в предисловии к своему сочинению «Свет невечерний» и отметил, что книга писалась медленно и с

большими перерывами в течение 1911-1916 гг. Заканчивал же работу над текстом автор в Крыму, в Кореизе (где проводил летние месяцы в имении своего тестя, крымского винодела И. Ф. Токмакова⁴). Этот период жизни и творчества (условно «раннекрымский») недостаточно изучен, в отличие от «позднекрымского» (1919-1922) [2].

«Свет невечерний» имел целью создание новой религиозной системы философии. Сложность очевидна: стремление выработать универсальное мирозерцание (где единое целое Бог, Мир, Человек), и попытка всесторонне обосновать новую антропологию, опираясь на идеи В. Соловьева прежде всего (как основоположника универсальной идеи), а также труды Бердяева, Карсавина, Флоренского и др. Кратко (по Соловьеву): универсальная религия есть религия души; специальная функция души есть любовь; мораль этой религии – любовь, объединившая свободной внутренней связью все духовные существа.

Проблема поставлена и не была решена. Противоречия софиологического учения Булгакова очевидны: «о. Сергей потерпел поражение именно как философ, т. е. в своей преимущественной сфере» [3, с. 30]. Тем не менее, глубокие размышления о природе искусства, творчестве и красоте, высказанные в «Свете невечернем» (отдел IV «Человек», часть III «Человеческая история») не утратили ценности. Булгаков ищет пути к пониманию чудовищного, по его мнению, сбоя, провала, *когда* искусство (т. н. «культура») разорвало свое единство с религиозным культом, *как и почему* эстетизм быта ныне принимается за «жизнь в красоте», а жажда этой самой «красивости» слишком легко удовлетворяется суррогатами (т. е. услугами художественной промышленности), где правит активное безвкусице и бесформенность неряшливости.

Наличие свободы, где «художник творит красоту наряду с природой», необходимо, однако свободы этой не наблюдается. Прокладывая путь к

⁴ Заметим попутно, что и свадьба с Еленой Ивановной состоялась в Кореизе («Такие моменты или дни не выражаются словами», – из письма к другу), в январе 1898 г.

утверждению своего приоритета (софийности), автор не скрывает, что лишь единение искусства и божественного («новое сближение искусства с культом») есть свобода – просто потому, что существовало изначально. Однако полного возврата к чистому искусству, с его эстетической успокоенностью и ограниченностью, уже нет. И любопытно, с каким вниманием и точностью анализируется сущность «искусства для искусства» (при том, что утрата произошла). Верность художественному такту есть цель свободного искусства, а это означает, что важнейшей эстетической задачей является работа над художественной формой, которой так часто пренебрегают ради содержания. Не лучшее время для рассуждений: декаданс, упадок духа (мировая война - бойня) реально не способствовали «содержанию», всемерно наблюдалось засилье формализма, и Булгакову бы поостеречься. Однако, не стесняя себя и не допуская сомнений, он продолжает: «Сама форма и есть существенное содержание искусства, и его нет вне работы над формой» [1, с. 329]. Булгаков тут же предостерегает от поклонения канонам, от увлечения направлениями и течениями всех мастей и толков, обвиняя их в косности, в сковывании творчества. Для него значимость формы, безусловно, наполненной содержанием и не терпящей небрежности и «безобразий стиля» очевидна, и если художник создает «свой собственный мир красоты в пределах своего искусства», то это желанный тупик, именно *осознание жизненных границ искусства*.

Принимая догмат как предмет веры, подлежащий точному определению, Булгаков несомненно проявляет интеллектуальную пытливость: вера никогда не налагает запретов в его собственной области, жизнь рассматривается как творчество [4]. Он высмеивает мнение, что «ликующий прогресс» и есть наша история, якобы подготавливающая торжество гармонии. Скепсис по отношению к истории очевиден, так как история давно «свернула» с пути истинного. Анализ ценностных ориентиров С. Н. Булгакова может быть ограничен его пессимизмом (пример отрицательного богословия), т. к. искусство бесполезно перед «лицом мира сего с его утилитарными

ценностями», и потому можно ограничиться лозунгом «Искусство самодержавно». Атмосфера свободы и бескорыстия способствует тщательным формулировкам, служение красоте выражает законный и диалектически необходимый момент в самосознании искусства, и здесь Булгаков тверд: лишь действенное, преображающее искусство самодержавно, но никак «не утешающее только», не символическое.

Творческий характер человека, его существование в мире, синтез духовной сферы со сферой внешней есть «неисследованная бездна, неизмеримая глубина» [1, с. 245]. Но наше стремление реализовать заложенные в нас возможности – путь изведанный, при этом избранная форма, некая архитектура жизни, никоим образом не пренебрегаются Булгаковым, а лишний раз подчеркиваются.

Эстетика повседневности, навязчиво внедряемая власть предержащими (и совершенно не удовлетворительная), приводит Булгакова к проблеме власти. Человек изначально призван к «активности и творчеству в мире», но это единство раскололось, и т. н. «социальная политика» здесь небезгрешна. Власть, история как конкретное время, право (как определяющие в той самой внешней сфере) ставят перед искусством особую задачу «просветлять материю красотой». Но сложность в том, что «власть (как государственно-правовой строй) тщетно разрешает проблему соединения личной свободы во всем ее самообразии – и единообразного, для всех равного порядка» [1, с. 338]. Именно «тщетно». Анализ природы власти приводит автора к заключению, что в основе своей власть имеет иррациональный характер, эта область утилитарно-рассудочная, как ни велико ее значение в жизни власти, все-таки не является для нее решающей.

Булгаков вновь приближается к своей европейской (в данном случае «мировой») идее государства, где «человечество-семья» не знало (и не будет знать) «цепей» государственности. Если принять за данность, что человечество должно быть по-своему организовано (явно выражается в политике, экономике, нравах и т. п.), то повсеместно и в различных проявлениях наблюдается

рудиментарный этап «пошлого самоутверждения» и эгоистичной борьбы; в общественности царит соперничество сил центробежных и центростремительных. Мечта всех утопий – солидарность, но желанная солидарность есть лозунг, за которым ничего не кроется, такова действительность. Для Булгакова же очевидно, что индивид как самозамкнутый микрокосм есть часть целого, именно так индивид входит в состав мистического человеческого организма. Тогда является вопрос истинного иерархизма, «без которого нет общественной сплоченности» [1, с. 345]. Свобода, но и подчинение; не только равенство, но и различие; не одно братство, но и организация. Не подлежит сомнению – вся относительность социального неравенства ясна перед фактом духовного равенства, и преодоление людской обособленности возможно в соборности. Именно на пути к соборности, а не стремлении к «прогрессу» человек в полной мере обретает свое «я». Незаполненность прогресса состоит, по Булгакову, в наивной (лживой?) вере в «устранимость зла, в победимость страданий», прогресс для него всего лишь «горделивая мечта о земном рае», и потому это непрерывный и самодовлеющий путь, т. к. исторические задачи не могут окончательно разрешиться, и смысл истории выражается «вечным круговращением». Булгаков признает, что если рассматривать историю в ее собственной плоскости и в ее непосредственных достижениях, то история «есть великая неудача... трагическое недоразумение», и если даже когда-либо устроят одно мировое государство, это будет совершенно «не важно», потому как человек не станет выше в духовном смысле, а скорее наоборот, окончательно отдалится от Бога: «цивилизационный» путь порочен, ежели утрачена мистическая связь «в недрах мира» между человеком и Богом.

Основанием схемы всего религиозно-философского периода самого Булгакова было возвращение к вере «в личного Бога вместо безличного идола прогресса» [5, с. 36-37]. Разумеется, религиозное сознание определяет исторические эпохи иначе, нежели определяют историки и социологи, и потому о. Сергей убежден, что история привела лишь к вопиющим диссонансам и

трагической безысходности; стремления человечества далеки от свершения, прогресс неспособен научить добру, а наше «упорное нехотение добра» в пользу карьеры, комфорта, «красивостей» и пр., – тому подтверждение. Только добру принадлежит онтологическая сущность, «только оно пребывает выше различия свободы и необходимости».

Признавая антиномию свободы и необходимости, Булгаков подчеркивает необходимость, ибо «свобода распространяется лишь на ход исторического прогресса, но не на его исход» [6, с. 185-186]. Мир и человек находятся во власти господствующей необходимости, при этом человек «есть свободный исполнитель своей темы», он, безусловно, обязан выявить свою заданность и не погубить свою «данность» (именно в рамках необходимости). И именно в этом случае, т. е. исполнении, человек становится свободным как творец. «Мы не понимаем, что жизнь есть рай» (по Достоевскому), а понимание этого и может стать творчеством в своем высшем значении. Таким образом, *самотворчество* у о. Сергия является главным содержанием жизни, и вокруг этого ядра вращается наше «все». Ценностные ориентиры человека в идеале органичны власти, есть ее общая и неотменная основа. Задача власти в данном контексте – ответственная организация, соответствие историческому, т. е. конкретному времени; задача чистого искусства – единение с религиозным сознанием. Осознание человеком себя как творца, построение себя как культурного (прежде всего в значении веры) микрокосма не есть утопия для автора «Света невечернего»⁵, а лишь закономерное свершение человеческой истории.

«Нужно иметь большое духовное содержание, чтобы жизнь черпать из себя, но вместе с тем это лучшая проверка того, что принадлежит нам и что мы себе присвоили» [7, с. 32]. Строки из «Ялтинского дневника» датированы сентябрем 1921 г., к этому времени о. Сергей был исключен из числа профессоров Таврического университета, служил вторым священником в Новом (т. е. Александро-Невском) соборе в Ялте, переехав на Дарсановскую из

⁵ Заимствование у А. С. Хомякова («Вечерняя песня»).

Кореиза («ежедневные службы и молитвы, наподобие монастыря...»). Житейские тяготы, полуголодное существование, сомнения, искус католицизмом – все тяготы преодолены. Борьба за существование и новая волна новых мыслей, «радость творческих созерцаний», о судьбах Отечества прежде всего его слова: «Чтобы стать самим собой, надо стать христианской Европой» (в записи от 31 декабря 1921 г.) пророчески звучат еще и потому, что впереди арест, высылка из России, юридический факультет Пражского университета (профессор церковного права); с 1925 о. Сергей – профессор догматики и декан Православного Богословского Института в Париже. И в Европе «христианской» созданы богословские сочинения («Агнец Божий», «Невеста Агнца» и др.), где Булгаков развивает основные положения своей философии. Жизнь человека как личности ему непостижима, но рассмотрение проблемы человека – насущная необходимость. Поиск *идеальной основы мира* неисчерпаем, непрерывен, совершенно положителен, «ибо София не просто любима, но она и сама любит», являя собою умопостигаемый мир, где «Красота есть внутренний закон... сила мирообразующая» (1, с. 211).

Таким образом, избирая и по-своему разрабатывая сложный жанр (философия-богословие, в литературном изложении), Булгаков неукоснимо придерживается строгости формы. Способ сохранения этой формы мысли предельно прост – философская добросовестность. В догматах он видит исторические и философские проблемы, не подменяет анализ обильным цитированием; мысль приводится в согласие с его верой, а не наоборот; попытки уклониться от ответственности за свою доктрину, систему «софиологического монизма», отсутствуют [8]. Его софиология как учение о премирном начале мира неоправданна, но отметим в заключение, что философия творчества как смысло-волевого акта, не подлежащего онтологизации, не разработана и столетие спустя после публикации «Света невечернего».

Источники и литература

1. Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. / С. Н. Булгаков. – Москва, 1994.
2. «Вестник РХД неукоснительно соблюдал все юбилейные даты, связанные с жизненным путем о. Сергия Булгакова: столетие со дня рождения (№101-102), пятидесятилетием со дня смерти (№170), нынешнее 125-летие» / («Дневник Духовный», №174).
3. Роднянская И. Б. С. Н. Булгаков – отец Сергей: стиль мысли и формы мысли / И. Б. Роднянская – Париж, «Вестник РХД», 2001 – №182.
4. Зеньковский В.В. прот. История русской философии. Т.2. – Париж, 1989.
5. Булгаков С. Н. прот. Автобиографические заметки / С. Н. Булгаков. – Париж, 1991.
6. Булгаков С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков. – М., 1990.
7. О. Сергей Булгаков. Ялтинский Дневник / С. Н. Булгаков – Париж, «Вестник РХД», 1994 – №170.
8. См. Зандер Л. Бог и мир (Мирозерцание отца Сергия Булгакова). Т. 1 – Париж, 1948.

У статті розглянуто та проаналізовано ціннісні орієнтири, виражені С. Булгаковим в «Світі невечірньому» (1917 р.). Данні ідеї і роздуми в софіології автора займають особливе, значне місце, являючи протиріччя і парадокси.

Ключові слова: ціннісні орієнтири, універсальна ідея, творчість, софіологія.

The article reviewed and analyzed values, expressed in S. Bulgakov "with the unfading" (1917). These ideas and reflections in sophiology occupy a special website, a significant place, revealing the contradictions and paradoxes.

Key words: values, universal idea, creativity, sophiology.